

УДК 303.01

КОНЦЕПТ «СОЦИАЛЬНОЕ ЗНАНИЕ» КАК ПРЕДМЕТ ФИЛОСОФСКОГО ДИСКУРСА

С. И. Платонова

*Кандидат философских наук, доцент,
Ижевская государственная
сельскохозяйственная академия,
г. Ижевск, Удмуртия, Россия*

THE CONCEPT «SOCIAL KNOWLEDGE» AS AN SUBJECT OF PHILOSOPHICAL DISCOURSE

S. I. Platonova

*Candidate of Philosophical Sciences,
assistant professor,
Izhevsk State Agricultural Academy,
Izhevsk, Udmurtia, Russia*

Summary. The article discusses the concept “social knowledge” as a subject of philosophical discourse, the problem of the relation of social and humanitarian knowledge. The author comes to the conclusion that the illegality of the division of social-human sciences to the social sciences and humanities.

Keywords: social knowledge; social and human sciences; methodology.

Концепт «социальное знание», несмотря на кажущуюся простоту, является на самом деле одним из самых сложных и дискуссионных в методологии социального познания. Действительно, если мы попробуем найти существующие точные определения данного понятия, то столкнемся с трудностями, так как многие социальные теоретики, рассматривая особенности социального познания, при этом не дают четкого и строгого определения понятию «социальное знание».

Кроме того, еще одной методологической трудностью, по нашему мнению, является отождествление некоторыми социальными теоретиками концептов «познание» и «знание». Например, А. И. Ракитов, исследуя особенности исторического познания, отмечает: «До сих пор термины «историческое познание» и «историческое знание» употреблялись как равноценные, взаимозаменяемые. Пока это не приводило к недоразумениям, необходимости в специальных уточнениях не было» [7, с. 95]. При этом сам А. И. Ракитов, предвидя возможные методологиче-

ские затруднения, предлагает использовать термин «историческое познание» для характеристики процесса «создания», «конструирования» информации о прошлом. «Моментальный срез» информации в фиксированном интервале времени можно определить как «историческое знание».

Необходимо отметить, что А. И. Ракитов выделяет важную особенность социального познания, да и познания в целом: разграничить познание и знание можно лишь условно. Действительно, процесс познания является бесконечным, особенно если речь идет о непрерывно изменяющихся объектах. Это особенно относится к современной науке, изучающей сложные саморазвивающиеся системы и объекты. Таким неравновесным, нестабильным, нелинейно развивающимся объектом является современное общество. Знания о таких объектах никогда не могут быть завершенными, законченными, поэтому проводить жесткую демаркацию между знанием и познанием можно лишь с определенной долей условности. Видимо, в частности этой особенностью

можно объяснить отождествление многими исследователями понятий познание и знание, отсутствие четкого определения понятия «социальное знание».

В контексте заявленной темы можно сформулировать ряд весьма важных и дискуссионных вопросов: что такое социальное знание? можно ли провести демаркацию между социальным и гуманитарным знанием? к социальным или гуманитарным наукам относятся история, психология, экономика, социология и другие науки обществоведческого направления? как соотносятся социальное знание и социально-философское знание?

Во многих современных исследованиях рассматриваются философско-методологические особенности отдельных социальных и гуманитарных наук: например, аксиологические элементы историко-социального познания, эпистемология экономического познания, исторического познания. Однако при этом остается неясным, что обществоведы понимают под социальным знанием. Это тем более вызывает недоумение, так как конечной целью социально-научного познания является получение социального знания. Мы полагаем, что сложившаяся ситуация не является результатом некоторой теоретической небрежности теоретиков, а связана с многозначностью термина «социальное знание» и, соответственно, со сложностью определения данного концепта.

В новой философской энциклопедии «знание» определяется как «форма социальной и индивидуальной памяти, свернутая схема деятельности и общения, результат обозначения, структурирования и осмысления объекта в процессе познания» [3]. Автор данной статьи, известный философ и специалист в области социальной эпистемологии И. Т. Касавин, подчеркивает, что «знание выступает как объективная идеальная форма всякой деятельности и общения, как их возможная форма в том смысле, что оно представляет собой предпосылку расширения горизонта человеческого бытия» [3].

Это определение, на наш взгляд, является предельно общим, так как включает в себя не только социальное

знание, но также и естественнонаучное знание, не только обыденное, но и другие формы знания (религия, наука, миф, например). Поэтому, определяя социальное знание, необходимо выделить не только общие характеристики, объединяющие его с другими формами знания, но также его отличительные, специфические черты.

Рассмотрим некоторые подходы к определению понятия «социальное знание». Известный российский философ и методолог П. К. Гречко говорит скорее о тождестве социального и гуманитарного знания. Их различие, по его мнению, методологически продуктивно только как бы с «внутренней стороны, по эту сторону границы – того, что демаркирует мир людей и мир вещей (природных и «чисто» технических). Мир людей – это мир социального, социального как единства субъективно-человеческого и интересубъективно-общественного – с явным доминированием второго над первым» [9, с. 98]. Поэтому П. К. Гречко, говоря о социальном знании, понимает под ним всю массу гуманитарного и социального, гуманитарно-социальное знание в целом.

Принципиально другую теоретическую позицию занимает А. М. Орехов: он различает социальные и гуманитарные науки и, следовательно, социальное и гуманитарное знание. Социальные науки ориентируются на естественнонаучную модель конструирования научного познания, и в этом состоит одно из главных отличий социальных наук от гуманитарных. Последние, по мнению А. М. Орехова, придерживаются «собственной, гуманитарной, методологии построения знания об обществе», их основным объектом исследования является текст, а основной задачей – интерпретация этого текста с целью достижения его полного понимания» [6, с. 12].

Соответственно, «социальное знание – это знание социальной реальности, социальных явлений и фактов... Гуманитарное знание – знание гуманитарной реальности, гуманитарных явлений и фактов» [6, с. 19].

А. М. Орехов относит к социальным наукам философию (прежде всего

социальную философию), историю, антропологию (прежде всего социальную антропологию), педагогику, психологию (прежде всего социальную психологию), социологию, экономику и ряд других наук. Гуманитарными науками, по его мнению, являются филология, культурология (в большей своей части), психология личности, когнитология и ряд других наук [6, с. 13–14].

Современный британский философ Ю. Эльстер также проводит различие между социальными и гуманитарными науками: «Основная задача социальных наук – это объяснение социальных явлений. Объяснить – значит рассказать, почему это произошло, сославшись на предшествующее событие как на причину. В гуманитарных науках основное внимание уделяется интерпретации, а не объяснению» [12, с. 449].

Подчеркнем, что, согласно интерпретативному подходу, артикулированные убеждения и идеи являются базовыми единицами человеческого взаимодействия. Эти убеждения и идеи конституируют реальность человеческого общества посредством языка. Согласно такой позиции социальная реальность – это реальность лингвистическая. «Когда люди постулируют общества или заключают общественные договоры, они делают это посредством языка, а не каких-то иных мер, которые затем описываются с его помощью», – обращает внимание известный американский политолог и социолог И. Шапиро [11, с. 30].

Поэтому понимание социальной реальности означает понимание тех лингвистических процессов, которые приводят к ее появлению. Отсюда «общество следует понимать как текст, смысл которого лучше всего постигать путем изучения переплетений лингвистических конвенций, внутри которых социальные акторы действуют как коллективные авторы» [11, с. 31]. Данный интерпретативный поворот был связан с подъемом философии обыденного языка, а также с развитием литературной герменевтики, когда понимание социальных процессов моделируется по принципу интерпретации текстов. Таким образом, как мы видим, сторонников различения социальных и гу-

манитарных наук существует немало, причем как в отечественной философско-методологической традиции, так и в западноевропейской и американской мысли.

Какова аргументация сторонников противоположной точки зрения, настаивающих, скорее, на объединении социальных и гуманитарных наук, нежели на их разделении?

Ю. М. Резник подчеркивает, что «социальная наука, действующая по образцу естественных наук, все более и более уходит в прошлое. Социальное есть не только объективная данность, обуславливающая индивидуальное сознание и поведение, но и определенным образом интерпретируемая людьми реальность» [8, с. 13]. Ю. М. Резник говорит скорее о междисциплинарном синтезе теоретических направлений современного обществознания, об интеграции социально-научных дисциплин на основе комплексного решения проблем социокультурного развития. Как видно, отечественный философ склонен объединять гуманитарное и социальное знание и говорить о едином социально-гуманитарном знании.

Мы полагаем, что социальное знание может быть определено как интегральное знание об обществе, рассматриваемое с точки зрения его внутренних связей. Социальное знание понимается нами в широком смысле – как знание об обществе, а не только об одной сфере жизнедеятельности общества. Социальное знание – это концептуализированное рациональное знание о социальной реальности. Любая наука, имеющая своим объектом общество и человека, вносит свой вклад в познание социального. Мы также придерживаемся позиции единства социально-гуманитарных наук, нежели их противопоставления. Наряду с понятием «социальное знание» вполне правомерно использовать понятие «социально-гуманитарное знание».

В рамках одной и той же науки (социология, история, психология, экономика) возможно существование принципиально разных методологических подходов: социального, тяготеющего к естественнонаучной методологии, и гуманитарного, признающего

специфику культурных объектов. Эта линия уже была намечена В. Дильте-ем, представителями баденской школы неокантианства, Э. Кассирером, К. Мангеймом, М. Вебером. Поэтому возможны объяснительная психология и описательная психология, «гуманитарное культуроведение» и «социальная культурология», «материалистическая психология» и «спиритуалистическая психология», объективистская социология и понимающая социология, классическая политическая экономия и маржиналистские экономические теории.

Рассмотрим более подробно на примере ряда наук сосуществование в их структуре двух принципиально разных методологических направлений. Например, в рамках исторической науки выделяют по крайней мере два разных методологических подхода к изучению исторических явлений. Историческая школа Леопольда Ранке отождествляет исторический факт с естественно-научным, полагая его независимым от историка-исследователя. Придавая большое значение исследованию документальных источников, Л. Ранке полагал, что историк, обращаясь к фактам, раскрывает ход событий так, как они происходили. Школа Л. Ранке на первый план выдвигала политическую, военную и дипломатическую историю, когда ученый на основании достоверных фактов исследует ценности прошлого, но воздерживается от оценки. Историк не зависит от своего объекта познания и от самого процесса познания. Подобное понимание истории позволяет отнести ее к социальной теории и к классическому этапу развития научного знания.

Альтернативой классическому пониманию истории как объективной беспристрастной науки является деятельность историков, составивших школу «Анналов». Эта школа возникла в 20-е годы XX века во Франции. Ее представители Л. Февр, М. Блок, Ф. Бродель понимают исторический факт как теоретический конструкт, воссоздающий историческое событие в качестве объекта социального познания. Согласно этой стратегии, исторический факт не обладает простой атомарной структурой.

«Оказалось, что ученый, работающий с документами, <...> сам, своей собственной личностью изменяет содержание факта, вкрапляясь тем самым в его сложную гносеологическую структуру» [2, с. 24]. Таким образом, исторические факты – это взаимосвязь и взаимодействие объективного и субъективного. Историки школы «Анналов» исследовали ценности прошлого, в особенности ценности повседневного опыта, изучали свидетельства простых людей. Например, они изучали культуру западноевропейского Средневековья глазами обычного, «маленького» человека. Таким образом, историческая наука использует методы, выработанные другими науками о человеке (социальная психология, социальная антропология, теория и история культуры), и становится настоящим социально-гуманитарным исследованием.

Две методологические программы в современной психологии выделяет В. Ф. Петренко. Психология, использующая натуралистическую программу, есть когнитивная психология, психология восприятия, мышления. В такой психологии возможен эксперимент, субъект-объектное противостояние, выделение законов, закономерностей. Но есть и другая психология, применяющая культур-центристскую программу. Такая психология есть наука о личности. В ней на передний план выходят проблемы понимания, интерпретации, герменевтики. Реконструкция жизненного мира личности осуществляется через сопереживание, вчувствование, эмпатию [10, с. 26].

О развитии методологических стратегий в психологии говорит один из самых известных сегодня психологов России А. Г. Асмолов. Наряду с классической психологией он выделяет подходы и концепции, обладающие потенциалом неклассического мышления. Если основными чертами классической психологии являются непосредственность, сообразность, познавательный эгоцентризм, то неклассическая психология характеризуется «осознанным вмешательством в реальность». Переход от классической к неклассической психологии – это «переход к эволюционно-исторической психологии», главный

принцип которой – «принцип осознанного вмешательства в реальность» [1, с. 456–457].

Натуралистическую и антинатуралистическую исследовательские программы в экономической науке выделяет В. А. Колпаков при реконструкции экономической мысли от А. Смита до наших дней [4, с. 140–156]. В. А. Колпаков отмечает, что А. Смит следует натуралистическому подходу под влиянием физики И. Ньютона. Британский экономист пытается найти закономерность, гармонию и упорядоченность уже не в физическом мире, а в мире человеческих отношений. В лучших научных традициях своего времени он прежде всего наблюдает экономические отношения, чтобы затем объяснить их природу и закономерности.

К экономическим теориям, использующим антинатуралистическую исследовательскую программу, В. А. Колпаков относит, например, маржиналистские теории (Л. Вальрас, Е. Бем-Баверк, Джевонс). Эти теории ученый характеризует как неклассические: «В основание маржинализма была положена психологическая теория издержек, которая подчеркивала значимость субъективного фактора» [5, с. 118]. Шло сознательное ослабление тенденций объективности знания и усиление защиты статус-кво. «Аксиоматика маржиналистов уже другая. Это – не трудовая теория стоимости, а способ восприятия человеком произведенного им блага» [5, с. 116]. Вместо понятия «экономический человек» классической экономической школы у маржиналистов появляется человек – «рациональный максимизатор», определяющий стоимость вещей их полезностью и спросом, а не издержками производства.

В социологии также можно выделить как классические, так и неклассические теории. К классическим социологическим теориям можно отнести органицизм (теории О. Конта, Г. Спенсера, П. Лилиенфельда), социологизм или социоцентризм (Э. Дюркгейм), структурный функционализм (теории Т. Парсонса, Р. Мертона, Н. Смелзера), марксизм, структурализм (К. Леви-Стросс). Для этих теорий также харак-

терна ориентация на естественнонаучную методологию, изучение общества по аналогии с объектами природы.

Неклассические социологические теории возникли в первой половине XX века. К ним можно отнести феноменологическую социологию А. Шюца, П. Бергера, Т. Лукмана, символический интеракционизм, этнометодологию Г. Гарфинкеля и ряд других направлений. Эти теории ориентированы на процессы понимания и интерпретации человеческих действий и взаимодействий, на использование, соответственно, особых гуманитарных стратегий.

Таким образом, любая наука может рассматриваться и как гуманитарная, и как социальная в зависимости от того, что является объектом ее исследования и каковы используемые ею методологические стратегии. Поэтому мы не согласны с теми обществоведами, которые проводят жесткую демаркацию наук на социальные и гуманитарные. По-нашему мнению, и социология, и экономика, и психология, и история, и другие обществоведческие дисциплины, как мы попытались показать, могут быть как социальными, так и гуманитарными науками в зависимости от того, что, как, какими средствами и методами они изучают.

Согласно нашей позиции, проводить демаркацию социальных и гуманитарных наук методологически неправомерно. Социально-гуманитарное знание едино, и мы можем говорить только о некоторых методологических предпочтениях социальных теоретиков. Видимо, неправомерно относить экономику, политологию, социологию, юриспруденцию только к социальным наукам, а филологию и культурологию – исключительно к гуманитарным наукам. Более того, неправомерным будет также противопоставление естественных наук социально-гуманитарным наукам. Сейчас стоит говорить скорее об их интеграции и междисциплинарном сотрудничестве, взаимодействии и взаимном обогащении. Приходит понимание того, что для познания современных сложных общественных процессов, явлений необходимы новые методология, категориальный аппарат,

эпистемологические принципы (такие, как, например, принципы полифункционализма, плюрализма, дополненности).

Библиографический список

1. Асмолов А. Г. По ту сторону сознания : методологические проблемы неклассической психологии. – М. : Смысл, 2002. – 480 с.
2. Власова В. Б. Исторический факт в потоке парадигмальных сдвигов // История методологии социального познания. Конец XIX–XX век. – М. : ИФ РАН, 2001. – С. 10–27.
3. Касавин И. Т. Знание // Новая философская энциклопедия. URL : <http://iph.ras.ru/elib/1138.html> (дата обращения: 28.04.2015).
4. Колпаков В. А. Антинатуралистическая исследовательская программа и экономическая наука // Философские науки. – 2008. – № 2. – С. 140–156.
5. Колпаков В. А. Социально-эпистемологические проблемы современного экономического знания (экономическая наука эпохи перемен). – М. : «Канон+», 2008. – 208 с.
6. Орехов А. М. Социальные науки как предмет философского и социологического дискурса. – М. : ИНФРА-М, 2014. – 172 с.
7. Ракитов А. И. Историческое познание : Системно-гносеологический подход. – М. : Политиздат, 1982. – 303 с.
8. Резник Ю. М. Введение в социальную теорию. Социальная эпистемология : учеб. пособие. – М. : Институт востоковедения РАН, 1999. – 327 с.
9. Социальное : истоки, структурные профили, современные вызовы / под общ. ред. П. К. Гречко, Е. М. Курмелевой. – М. : РОССПЭН, 2009. – 440 с.
10. Философия и интеграция современного социально-гуманитарного знания (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. – 2004. – № 7. – С. 3–40.
11. Шапиро И. Бегство от реальности в гуманитарных науках. – М. : Изд. дом Гос. ун-та – Высш. шк. экономики, 2011. – 365 с.
12. Эльстер Ю. Объяснение социального поведения : еще раз об основах социальных наук. –

М. : Изд. дом Гос. ун-та – Высш. шк. экономики, 2011. – 471 с.

Bibliograficheskiy spisok

1. Asmolov A. G. Po tu storonu soznaniya : metodologicheskie problemy neklassicheskoy psihologii. – M. : Smysl, 2002. – 480 s.
2. Vlasova V. B. Istoricheskiy fakt v potoke paradigmalnyh sdvigoov // Istorija metodologii socialnogo poznaniya. Konec XIX–XX vek. – M. : IF RAN, 2001. – S. 10–27.
3. Kasavin I. T. Znanie // Novaya filosofskaja jenciklopedija. URL : <http://iph.ras.ru/elib/1138.html> (data obrashhenija: 28.04.2015).
4. Kolpakov V. A. Antinaturalisticheskaja issledovatel'skaja programma i jekonomicheskaja nauka // Filosofskie nauki. – 2008. – № 2. – S. 140–156.
5. Kolpakov V. A. Socialno-jepistemologicheskie problemy sovremennogo jekonomicheskogo znaniya (jekonomicheskaja nauka jepohi perezmen). – M. : «Kanon+», 2008. – 208 s.
6. Orehov A. M. Socialnye nauki kak predmet filosofskogo i sociologicheskogo diskursa. – M. : INFRA-M, 2014. – 172 s.
7. Rakitov A. I. Istoricheskoe poznanie : Sistemno-gnoseologicheskij podhod. – M. : Politizdat, 1982. – 303 s.
8. Reznik Ju. M. Vvedenie v socialnuju teoriju. Socialnaja jepistemologija : ucheb. posobie. – M. : Institut vostokovedenija RAN, 1999. – 327 s.
9. Socialnoe : istoki, strukturnye profili, sovremennye vyzovy / pod obshh. red. P. K. Grechko, E. M. Kurmelevoj. – M. : ROSSPJeN, 2009. – 440 s.
10. Filosofija i integracija sovremennogo socialnogumanitarnogo znaniya (materialy «kruglogo stola») // Voprosy filosofii. – 2004. – № 7. – S. 3–40.
11. Shapiro I. Begstvo ot realnosti v gumanitarnyh naukah. – M. : Izd. dom Gos. un-ta – Vyssh. shk. jekonomiki, 2011. – 365 s.
12. Jelster Ju. Objasnenie socialnogo povedenija : eshhe raz ob osnovah socialnyh nauk. – M. : Izd. dom Gos. un-ta – Vyssh. shk. jekonomiki, 2011. – 471 s.

© Платонова С. И., 2015